

АДЫГИ (ЧЕРКЕСЫ): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹**Э.А. ШЕУДЖЕН**

В современной историографической ситуации проблема взаимовлияния исторического знания и исторической памяти приобретает все более выраженный теоретико-методологический характер: созданы оригинальные исследования, как общего, так и специального характера, ставшие серьезным импульсом для интенсивного развития знаний по данной проблеме.

Спектр исследований очень широк. Изучая проблему по различным направлениям, выделяя все новые аспекты ее познания, исследователям удалось расширить теоретические представления об этом феномене общественного сознания: структуре, функциях, основных тенденциях развития, эволюции. Общими усилиями философов, историков, социологов, психологов создается основа для выхода на более высокий уровень осмысления многих базовых вопросов [19, с. 122-169].

В определяющей степени интерес к данной теме обусловлен влиянием концептуальных построений «новой истории», их постмодернистской критикой, позволяющей перенести исследовательский интерес в область изучения «воспоминаний» о прошлом. Применение термина «память» получило столь широкое распространение, что нередко заменяет термин «история», что свидетельствует о принципиально значимом «сдвиге», произошедшем в природе исторического сознания [1, с. 24].

Сегодня на основе сложившихся теоретических подходов и имеющегося опыта мнемонических интерпретаций в исторических исследованиях появилась реальная возможность для осмысления исторической памяти адыгов (черкесов) как этнической общности, достаточно явственно отражающей общие характеристические и специфические черты, обусловленные особенностями природно-географической среды, общественного развития, ментальности. При этом в полной мере осознается, что научный потенциал данной проблемы гораздо шире, учитывая, что существует выраженное разнообразие в интерпретации, как адыгской истории, так и проблем исторической памяти.

Понятие «историческая память», примененное к истории отдельных народов, ориентировано на интерпретацию способов накопления, сохранения, трансляции и усвоения прошлого. Речь идет о таком уровне коллективной памяти о социальном прошлом, на основе которой формируется национальное сознание, историческая общность людей, объединенных территорией, языком, традициями. Позволю себе добавить, что по мере развития различных интерпретаций происходит постепенное преодоление разрыва между «живой» памятью и историей, пока память не станет *исторической*. При этом разрыв реконструируется в ситуации ретроспекции, то есть тогда, когда появляется возможность связывать события прошлого с сегодняшней действительностью.

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

При такой постановке центральными становятся вопросы: каково пространство и объем исторической памяти и насколько она влияет на репрезентацию прошлого и уровень исторического сознания? При рассмотрении состояния исторической памяти адыгов достаточно определенно проявляются контуры пространства: образы исторического прошлого, сохранившиеся на уровне устной традиции; фрагменты, вошедшие в историческую память других народов, обладавших письменностью; рубежный этап обращения к истории как осознанному способу сохранения национальной идентичности; деформация исторической памяти, связанная с экстремальными событиями и, наконец, процесс осмысления возможностей и последствий конструирования исторической памяти.

Прежде всего, имеет смысл отметить значение устной традиции при репрезентации прошлого. Проблематика устной традиции сохраняет значение и в наши дни, о чем свидетельствуют интенсивные исследования в области «устной истории» и «истории исторической памяти». На протяжении веков героический эпос, сказания, песни и другие памятники устной культуры, монументально отражая «дух народа», все постоянное, устойчивое, являлись своеобразной «культурной проекцией» начального этапа истории адыгов. Именно в недрах устного творчества, переходя из эпохи в эпоху, от поколения к поколению, закреплялись образные представления об окружающем мире, получая разные интерпретации и художественные формы. По признанию многих авторитетных специалистов, «Нарты» относятся к самым древним героическим эпосам мира [15, с. 665-666], типологически близким рунам «Калевалы» и даже древнешумерскому эпосу о Гильгамеше.

С позиции понимания проблем исторической памяти важно отметить, что именно благодаря нартскому эпосу в сознании адыгов на многие века закрепился образ легендарного, по своему идеального, гармоничного мира. Именно это положение может стать исходным тезисом, осмысление которого позволяет ответить на вопрос: насколько исторична информация, содержащаяся в эпосе и какое место, она занимает в современной системе исторической памяти?

Конечно, отсутствие письменности требовало особого «устройства» памяти: передача общественно значимых навыков осуществлялась живыми носителями памяти непосредственно через имитацию и повторение. «Находя опору в рассказе о предках, – отмечал выдающийся французский философ Поль Рикер, – связь поколений прививается к огромному генеалогическому дереву, корни которого уходят далеко в глубины истории» [20, с. 548].

Именно благодаря этому, основные навыки и умения «надежно» сохранялись «как в капсуле» и передавались новым поколениям. При всей условности фиксации исторических событий, в сознании народа закреплялась «эпическая модель истории», некий *способ хранения информации, важнейший источник коллективных исторических воспоминаний*. За время долгого бытования в устной памяти эпические сюжеты, разумеется, претерпели немало изменений, обогащаясь все новыми вариациями, многие из которых безвозвратно утрачены.

Тем не менее, это важнейший *маркер*, позволяющий говорить о зарождении *исторической памяти*, даже учитывая, что ее содержанием являются не реальные события прошлого, а их конвенциональные образы, соответствующие установившимся традициям. В закрепившихся в сознании образах и картинах сквозь фантастическую оболочку явственно видны отзвуки реального исторического прошлого *конкретных* народов.

Соотношение фольклорных текстов с жизненной реальностью, с событиями и лицами прошлого является одной из центральных тем исторической науки. Уже в XIX веке член Кавказского отдела Русского географического общества Леонтий Яковлевич Люлье, занимавшийся целенаправленным собиранием этнографических сведений о народах Кавказа, отмечал, что «в исследованиях подобного рода народные предания служат большим пособием», именно благодаря сказаниям память о предках не остается «в забвении». При этом он хорошо осознавал, что для «проникновения» в скрытые в них тайны прошлого необходимо «посвятить себя на несколько лет постоянному труду, не будучи притом уверенным в успехе» [13, с. 19-20].

Более того, и в самом адыгском обществе все более осознавалось значение устных свидетельств исторического прошлого. «Нартов эпос, сказки, песни-плачи, песни героические, поговорки, пословицы и т.п. произведения, полные неподражаемой поэтической красоты, проливающие большой свет на историю черкесов, – с болью писал Сефербий Сиюхов, – все эти произведения будут потеряны, если в ближайший срок не будут приняты самые серьезные меры к собиранию и записи всего того, что можно еще собрать и записать» [25, с. 307-308].

Устные придания удивительно гармонично вписываются в архитектурный план хорошо знакомых мест, создавая живописную картину так называемого «ландшафта памяти». В дневниках пребывания в Черкесии Джеймс Белл приводит интересный случай «переноса» мифологических представлений в сознание адыгов XIX века. «Когда наши гребцы следовали вдоль берега, они запели *живую* песню, адресованную царю рыб», веря в то, что в пещерах скал прячется животное, которое именуют морским медведем [2, с. 81-82].

Адыги на протяжении многих столетий сохраняли, более того, переживали связь с событиями, запечатленными в устной традиции, воспринимая себя *наследниками* исторического прошлого. Многочисленные безымянные сказители, совершенствуя идеи и сюжеты, сохраняли для потомков накопленный опыт. Фактически эпос стал древнейшей «энциклопедией» знаний, неписанным сводом законов, сформировавшим кодекс поведения адыгов – адыгэ хабзэ

При этом нельзя не учитывать, что при обращении к памятникам устной культуры может проявляться особый иносказательный взгляд на прошлое. В восемнадцатом столетии один из оригинальных мыслителей этого века Джамбаттиста Вико, осмысливая историю устной традиции как способа познания прошлого, подчеркивал, что при обращении к этим свидетельствам важно освоить критический взгляд. При этом, он считал, что объективному

познанию прошлого препятствуют два вида тщеславия: тщеславие наций, полагающих, что их история восходит «к самому началу мира», и тщеславие ученых, далеко не всегда учитывающих сходство пути в истории «своего» народа с историческими судьбами других народов [3, с. 117-118]. При таком подходе ученые теряют способность понимать различие между образом мысли древних и их собственным [3, с. 369-376]. *Думаю, что эти положения, несмотря на временную дистанцию, сохраняют особую значимость. Устные свидетельства, впитывая типические черты опыта общественного развития народов, накопленного на протяжении длительного исторического времени, создают прочную, но небезупречную основу исторической памяти.*

Важной составляющей структуры исторической памяти адыгов, стал многослойный пласт информации, сохранившейся в записях людей «извне». Казалось бы, не имея письменности, а, следовательно, фиксированных документальных свидетельств, адыги должны были бесследно затеряться в безграничных пространствах прошлого. Но судьба распорядилась иначе: издревле находились люди, стремившиеся понять жизненную силу этой земли и населяющих её народов. Благодаря им, зафиксированные в письменном виде сообщения, стали мнемоническими местами, неподвижными симулякрами, позволяющими размышлять о том, как «выглядит Кавказ в людской памяти и историческом сознании» [4, с. 4].

В средние века и, особенно в новое время, сведения, вошедшие в сочинения европейских, арабских, турецких, русских авторов, закрепили образ «Страны Черкесии» в исторической памяти многих народов, прагматизируя или романтизируя его. Более того, образовался своеобразный «перекресток памяти», где пересекались, дополняя друг друга, а нередко и вступая в противоречия, взгляды людей разных культур. Какой бы народ этого региона ни посетили путешественники – татар, ногайцев, калмыков, в их описания обязательно включались сведения о черкесах, даже если авторам не удавалось побывать в их землях.

История адыгов нашла отражение в сочинениях такого обширного круга авторов, что даже условная систематизация вызывает серьезные трудности. Уже несколько поколений исследователей при реконструкции адыгской истории имеют дело с источниками, в которых доминирует взгляд «извне», что порождает серьезные методологические трудности. Ситуация осложняется тем, что эти источники отражают различные культурные традиции (христианские и мусульманские); особые стили мышления (купцов, миссионеров, ученых, путешествующих аристократов); языковые особенности, метафористические пристрастия. В связи с этим принципиально важно отметить роль ученых Кабардино-Балкарии в переводе, комментировании и издании огромного массива важнейших историографических источников серии «Клио».

Для европейцев знакомство с адыгским обществом во многом стало откровением: фактически был открыт новый мир. Вызывала восхищение не только сказочно прекрасная природа, но и органичная жизнь народа в этой самобытной среде. Многие из чужестранцев могли лично убедиться в верности, благородстве, безграничной храбрости аборигенных жителей этого региона.

Почти во всех работах описывался антропологический тип черкесов: красивого народа, с тонкими чертами, выразительными умными глазами, стройными, подвижными и сильными фигурами. В сохранившихся записях встречаются интересные свидетельства, что описания «Страны черкесов» вызывали у европейцев особый интерес: они не только публиковались, но и распространялись в рукописях, пересылались из одной страны в другую по просьбе «заинтересованных лиц» [22, с. 90].

Несколько отклоняясь от основной линии изложения, хотелось бы отметить, что интерес европейского общества к Черкесии нашел несколько неожиданное отражение в литературных сказках. Именно в это отдаленное «королевство» отправлялись знатные благородные юноши Франции в поисках славы и богатства, именно там во дворцах правили мудрые «короли», в прекрасных садах обитали многочисленные «пугливые красавицы», а злая колдунья похищала «наследницу Черкесии» [27, с. 144-145, 206-207]. И хотя данное романтическое описание мало соответствует сложившимся историческим представлениям, оно весьма показательное с точки зрения мифологизации сознания и может учитываться как одна из особенностей исторической памяти на уровне обыденного сознания.

Для адыгов, мало осведомленных о своей «известности», фиксация «извне» не стала точкой перехода к письменной коммуникации. Сохранившиеся пласты устных свидетельств оставались матрицей, на которой по-прежнему основывались исторические представления, оказывая выраженное воздействие на коллективную память. Удивления достоин тот факт, что на протяжении веков, если судить по устным свидетельствам, неизменными оставались представления адыгов о себе, о древности своей истории. Отдаляясь от культуры своего детства, адыги все более активно утверждали ее достоинство и защищали ее уникальность. Более того, чем больше они узнавали о людях Запада и Востока, тем больше осознавали себя адыгами.

Западноевропейцы гордятся тем, что благодаря им преобразовывалась история: влияние христианства, Возрождения, Просвещения. При этом далеко не всегда учитывают, что культурное развитие шло не только с запада на восток, но и в не меньшей степени с востока на запад: греческая и финикийская колонизации, миграции германцев и славян, экспансия степей, «давление» Османской империи и т.п. Учитывая, что значение подобных влияний для формирования Европы только лишь начинает осознаваться, неизбежно повышается интерес к зонам пересечения этих мощнейших потоков культур, одной из которых был Северный Кавказ [12].

В отношении к прошлому есть ключевой вопрос: почему человечество вообще хочет знать о существовании прошлого и сохранять о нем память? Особый смысл приобретает понимание того, что нас заставляет осознавать прошлое, что должно случиться или уже случилось с каким-нибудь сообществом, чтобы его захватила проблема собственного прошлого. По твердому убеждению Франклина Анкерсмита, любое сообщество должно получить такой «возвышенный исторический опыт», при котором прошлое и его осознание станут «неотвратимой реальностью», «такой же частью их

самих, как наши конечности являются частью наших тел – забвение прошлого станет тогда чем-то вроде интеллектуальной ампутации» [1, с. 14]. Для народов Северного Кавказа таким переломным периодом стала Кавказская война, разрушившая привычный традиционный мир, повлекшая глубинные изменения, проявившиеся в общественной организации, демографической структуре, хозяйственной деятельности, ментальных «подвижках».

Известно, что этнические и конфессиональные конфликты, войны и революции, переходные эпохи и тому подобные состояния общества, типологизируемые как «эпохи катастроф», влекут за собой не только изменения направленности и ритмов общественной жизни, но и обостряют потребность в осмыслении прошлого опыта. Появился даже термин «аварийный ген», закрепляющий в коллективной памяти воспоминания о потрясениях, пережитых предками. Несмотря на то, что в каждое историческое время складывается свой взгляд на проблему значимого, важного, существенного в истории, в памяти каждого народа есть события как бы «вневременные», память о которых сохраняется в веках. Именно к таким *болевым «местам памяти»* с полным основанием может быть отнесена Кавказская война.

Война на Кавказе воспринималась как *особое* явление, не вписывавшееся в привычные представления. По мере развития событий, наряду с острейшими военно-политическими проблемами, актуальными становились *знания* о народах региона. Даже в специальные разведывательные отчеты и описания военно-стратегического назначения стали входить данные по этнографии и истории горцев. Однако, несмотря на признание «этнографически значимого» исторического прошлого, заслуживающего исследовательского внимания, в подавляющем большинстве работ созданных в это время, «кавказцы», представлялись «удачливыми хищниками», «грабителями», «ворами», от которых русские войска «претерпевали крайнее разорение» [21, с. 88-89]. Использование для характеристики целых народов понятий, имеющих негативный смысл, становилось своеобразным ключом, запускающим психологический механизм восприятия в массовом сознании россиян народов Северного Кавказа.

Русское командование, как отмечал генерал М.Я. Ольшевский, стремилось даже достоинства горцев «обращать в недостатки», не помышляя о том, чтобы привести выдвигаемые требования в соответствие с *«их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни»* [16, с. 65]. Более того, успехи военных предприятий горцев нередко объяснялись неукоснительным соблюдением ими «укоренившихся веками обычаев», характерных для «азиатских» нецивилизованных народов.

Действительно, как свидетельствуют источники, массовое сопротивление горцев поддерживалось не только военно-стратегической энергией, но и обстоятельствами, лежащими в сфере традиционных представлений, определявших структуру коллективного сознания. Прежде всего, героизацией исторического прошлого, признанием свободы высшей ценностью, представлениями о мужском долге, презрении к смерти и уверенности, что каждого погибшего в бою ждет достойная тризна, а его воинский подвиг

останется в памяти потомков. «Без них, – писал генерал А.А. Вельяминов, – не найдет он между сородичами своими ни дружбы, ни доверенности, ни уважения, он делается предметом насмешек и презрения...» [8, с. 78-80]. Сохранились свидетельства, что окруженные отряды горцев просили только об одной милости: что бы дали знать их семьям, что они «умерли, как жили, не покоряясь чужой власти» [29, с. 23].

В серьезную проблему, осложнявшую проведение карательных операций, превращались сохранившиеся маркеры исторической памяти. Так, желая привести войну к некому подобию «европейских» войн, российское командование предпринимало, как неоднократно признавалось, безрезультатные военные операции, стремясь решить не столько стратегические задачи, сколько подорвать закрепившееся в коллективной памяти убеждение в неприступности, спасительной силе Кавказских гор. В качестве естественной границы, более того, водораздела, отделяющего мир адыгов от «чужого», во многом враждебного мира, «земли войны», стала восприниматься Кубань.

Война усилила процесс осознания важности национальной идентичности, взаимных обязательств, проявляющихся в приверженности семье, роду, «своему народу», в стремлении «защитить друг друга против набегов и насилий людей посторонних» [9, с. 526]. Благодаря обычаю гостеприимства создавались «островки безопасности» и никакие угрозы не могли заставить адыгов выдать укрываемых соплеменников. Причем этот освященный веками обычай свято соблюдался даже лояльно настроенными «мирными» обществами. В условиях замкнутого горского общества и военной угрозы он стал единственным способом получения и передачи жизненно важной информации [23, с. 93].

Играл свою трагическую роль и обычай кровной мести. Все родственники погибших воспринимали офицеров и солдат русской армии непосредственно своими кровниками. Неукоснительное следование этому обычаю придавало все большую массовость и ожесточенность сопротивлению. В семьях, в которых погибли все взрослые мужчины, за оружие брались юноши четырнадцати – пятнадцати лет. Более того, представления о традиционном «рыцарском» поведении адыгов, сохранявшиеся на уровне устной памяти, по мере ужесточения противостояния вытеснялись новыми, более жесткими поведенческими нормативами отношения к «чужим».

Осознание значимости закрепления в письменных источниках памяти о «людях войны» пришло довольно рано. Одним из первых к этой теме обратился Семен Эсадзе. Его работа «населена» самыми различными людьми: «европейскими авантюристами»; «главами воинствующих партий»; «предводителями» племен; «уважаемых» старшин, которым доверялись переговоры с русскими генералами «по поводу» выдачи погибших в боях; известными «храбрецами», «лихими наездниками, участвовавшими «в смелых набегеах и кровавых битвах» [30, с. 19, 28, 29, 54, 61, 69, 72, 102, 106].

При этом, наряду с мощными пластами информации о массовом сопротивлении адыгов, даже через десятки лет в памяти сохранялись фамилии людей, наживших свое богатство «на несчастьи, слезах и крови, завоеванного

населения» [26, с. 121]. Задумаемся над непростой проблемой: должны ли историки, исследуя историю Кавказской войны репрезентировать латентные, скрытые стороны внутренних противоречий? В том числе, их психологическую составляющую: одни отцы посылали на явную смерть сыновей, в то время как другие получали от русского командования деньги, награды, именное оружие, тщательно утаивая это от соплеменников.

При всем трагизме и утратах в массовом сознании адыгов война закреплялась как явление общенародного, национального характера. Происходил всплеск интереса к прошлому: новую жизнь обретал героический эпос, «обновлялась» тематика народных сказаний и песен. Фольклорные формы и образы, как бы приобретая новую жизнь, продолжали оказывать выраженное воздействие на коллективную память.

Так, Дж. Бэллу удалось записать несколько фрагментов подобных песен, услышанных им на тризнах. «Утром он вышел из дома для заключения мира, а вечером его принесли завернутым в саван. «Хвала Богу, – закричала его мать, – за то, что ты пал на поле чести, а не в поисках добра» [2, с. 189]. В этих сохранившихся записях, как бы остановивших время, отразились не только традиционные моральные нормативы поведения воина, закрепившаяся в сознании народа реакция на воинский подвиг, но и понимание «особости» происходивших событий: значимость гибели «на поле чести, а не в поисках добра».

Война обострила проблему отношения к остаткам исторического прошлого (сооружениям, древним захоронениям, барельефам, надписям и т.п.). Более того, как свидетельствуют записи разных авторов, посетивших Северо-Западный Кавказ в это время, для доказательства древности происхождения и прав на занимаемую территорию адыги обращались к сохранившимся памятникам исторического прошлого, проявляя к ним «самое большое почтение». Сохраняя удивительную толерантность по отношению к представителям разных народов, адыги все четче осознавали *древность* и *особость* своей истории.

Среди адыгов были «большие любители старины», для которых разыскание исторических памятников стало главным занятием, однако, несмотря на крайнюю нужду, они не стремились расстаться со своими собраниями. Одного из таких «коллекционеров» упоминает Тэбу де Мариньи, сожалея, что ему не удалось «извлечь большую выгоду, добыв у него эти предметы». В отличие от европейцев, не стесняющихся собственноручно при помощи кирки вскрывать древние захоронения в поисках предметов, могущих принести «доход», адыги воспринимали памятники как следы, «оставленные каким-то великим народом, жившим в этой стране до них» [14, с. 90, 91].

На состояние исторической памяти оказали влияния и последствия войны. В историографии сложилось интересное несоответствие: причины войн исследуются более обстоятельно, чем их результаты, и особенно последствия. При таком положении последствия войн сводятся, как правило, к материальным потерям и подсчету павших на полях сражений. Само по себе это весьма важно. Однако такой подход не дает представления о более

отдаленных, но не менее значимых последствиях военных конфликтов. Понадобились десятилетия, смена нескольких поколений для преодоления «пораженческих» настроений, но отголоски войны, как раскаты уходящей грозы, еще сохраняются в исторической памяти. И с этими обстоятельствами необходимо считаться.

Для адыгов последствия оказались столь же трагичными, как и сама война: массовая депортация, насильственное переселение, вхождение в новое политическое, экономическое и социально-культурное пространство России. Удивительным образом в памяти народов закреплялась выраженная героизация событий войны и фобия побежденного, «умиротворенного» народа. Особенно трагичным для адыгов стал процесс депортации, называемый в официальных документах «удалением» или «переселением» [6, с. 633]. «Такая мера, – считал генерал Н.И. Евдокимов, сделавший карьеру на Кавказе, – при настоящем положении туземцев, принесет нам великую пользу и даст возможность как горцам выйти из настоящего их напряженного положения, так и нам более свободно развивать русскую колонизацию в предгорьях западной части Кавказского хребта» [18, с. 292-293].

Процесс приобрел масштабный характер, люди покидали родину без всяких средств к существованию, что неизбежно приводило к тяжёлым бедствиям, голоду, эпидемиям, высокой смертности. Проведенная в последние годы комплексная разработка данной темы, введение в научный оборот обширного круга архивных источников, способна придать большую аргументированность и целостность, закрепившимся в коллективном сознании представлениям о масштабе произошедшей демографической катастрофы [10].

В связи с этим, мягко говоря, странно звучат утверждения о «легкости», «малозатратности» юго-восточной «отечественной колонизации». «В России, – утверждает профессор В.В. Ильин, – никогда не практиковались охоты за скальпами, массовое уничтожение коренных народов» [5, с. 334]. К глубокому сожалению, опыт истории приводит к малоутешительному выводу: фактически любая человеческая цивилизация, оказавшись в положении военного превосходства над другой, вполне способна повести себя с «чудовищной жестокостью, имеющей целью уничтожить другую цивилизацию» [17, с. 426]. *Это так и есть, потому что, так уже много раз было!* Вопрос о природе подобных явлений был и остается одним из сложнейших в истории.

Известно, что в источниковой базе любой войны преобладают источники, созданные в стане победителей. В то время как побежденная сторона теряет не только территорию, независимость, но и в значительной степени – право на объективную историю. В частности, реконструкция событий Кавказской войны уже почти два века ведется преимущественно на основе официальных российских источников. Объясняется это тем, что подавляющее большинство северокавказских народов, в том числе и адыги, не имели своей письменности, а немногие документы на арабском языке в основном освещают события, связанные с движением Шамиля.

Многие сведения о событиях на Кавказе вошли в историческую память благодаря воспоминаниям, дневникам участников войны и другим источникам

личного происхождения. Несомненный интерес представляют сборники воспоминаний участников Кавказской войны [7], переизданные работы, в том числе и военачальников высших уровней, ставшие библиографической редкостью [11, 16, 24]. Понятно, что оценки Кавказской войны как центрального события северокавказской истории в воспоминаниях коррелируют с эмоционально-ценностными характеристиками. Несомненно, что при таком состоянии источниковой базы резко сужается видение проблемы: превалирует так называемый «взгляд из туннеля», что априорно закрепляет в историческом сознании недоверие к сохранившимся свидетельствам.

В этом смысле задача историка состоит в том, чтобы исправить «отклонения памяти», сопоставив сомнительные утверждения авторов воспоминаний с другими историческими свидетельствами. Во всяком случае, интерпретация и анализ источников по данной проблеме требует от историка не только высокого уровня профессионализма, но и последовательного, твердого стремления к объективности, что далеко не всегда в наше время кипящих страстей «имеет место быть».

Процессы демократизации российского общества, освобождение историков от идеологических ограничений, казалось бы, создали условия для серьезного, взвешенного подхода к проблеме. История Кавказской войны как бы открывалась заново: появились интересные специальные исследования, опубликованы сборники документов. Но к великому сожалению, не профессиональные труды определяют характер процессов, влиявших на историческое сознание. Все мыслимые пределы превзошел масштаб вторжения в научные проблемы дилетантов и политически ангажированных «специалистов», агрессивно навязывающих обществу «свои» версии событий на Кавказе.

Драматизм историографии Кавказской войны, впрочем, как и любой другой, в том, что интерес к этой проблеме родился на крови и страданиях народов. Поэтому неудивительно стремление перевести научную полемику в морально-этическую сферу, фактический отказ от принципов и методов, принятых при обосновании научной аргументации, что неизбежно приводит к упрощенным одномерным трактовкам. Под влиянием резко меняющейся политической ориентации и личных пристрастий в массовом сознании формируются заведомо негативные образы, с одной стороны, «русских» и «казаков», а с другой – «горцев». От исследователя, как минимум, требуется всесторонняя, объективная оценка исторической ситуации, в которой суждено было жить людям. При этом важно учитывать, что в исторической памяти нередко закрепляются диаметрально противоположные оценки одних и тех же исторических деятелей. Недостаточный учет этих обстоятельств способен серьезно осложнить исторически сложившиеся взаимоотношения между народами. Именно поэтому так важно, сохраняя историческую память народов, избегать превращения истории в «тотальный трибунал», призывая к ответу за события исторического прошлого то один, то другой народ. В разрушении односторонних подходов, в преодолении стереотипов и догматических представлений, влияющих на умы людей и, в конечном счете, формирующих

коллективное историческое сознание, состоит первостепенная задача историков.

Все больше историков, обращаясь к болезненным проблемам исторического прошлого, задаются вопросом: каковы границы репрезентации болезненных событий прошлого, должны ли они становиться достоянием исторической памяти потомков? Конечно, миссия историка состоит в том, чтобы добраться до истины, но недостаточно образно описать прошлое, важно понять, как было прошлое *пережито* и насколько *пережитое* является той «исторической истиной, которую им следует стремиться восстановить» [28, с. 184].

Вне всякого сомнения, сохранение исторической памяти одна из сложнейших интеллектуальных проблем. Так или иначе, именно историки решают, на свой страх и риск, какие события прошлого являются историческими и могут быть занесены в анналы истории. Сложившиеся в современной науке подходы к пониманию исторической памяти, ее «знаковой» системы, способны придать большую теоретическую основательность анализу процессов характерных для развития исторического знания. В то же время нельзя не учитывать, что историческое знание живет активной жизнью, оно не только воссоздает образы прошлого, но и вызывает широкий спектр эмоций – восхищения и отторжения, радости и скорби, что в полной мере соответствует противоречивости реальной исторической жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 608 с.
2. Бэлл Дж. Дневники пребывания в Черкесии в течение 1837-1838 годов. В 2 т. Т. 1. / пер. с англ. К.А. Мальбахова. – Нальчик: Эль-Фа, 2007.
3. Вико Д. Основания Новой науки об общей природе наций. – М.: REFL-book – ИСА, 1994. – 756 с.
4. Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии: учебная лекция по регионоведению. – Майкоп: РиПо «Адыгея», 1999. – 40 с.
5. Ильин В.В. Философия истории. – М.: Изд-во Московского университета, 2003. – 380 с.
6. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. – 720 с.
7. Кавказская война: истоки и начало 1770-1820 годы. Серия «Воспоминания участников Кавказской войны». – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. – 552 с.
8. Кавказский сборник. Т. VII. – Тифлис, 1883.
9. Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. – 1860. – Кн. 28. – С. 517-550.
10. Кудяева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 312 с.
11. Латинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Эль-Фа, 1995. – 455 с.
12. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. – СПб.: Александрия, 2008. – 400 с.
13. Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. – Киев, 1991.
14. Мариньи Т. Поездки в Черкесию. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 207 с.
15. Мелетинский Е.М. Эпос и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. – С.665-666.

16. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 г. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. – 607 с.
17. *Осборн Р.* Цивилизация. Новая история Западного мира. – М.: АСТ; Астрель, 2008. – 768 с.
18. *Письмо графа Евдокимова к генералу Карцеву от 25 июля 1862 г.* // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. В 2-х т. Т.1. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – С. 292-293.
19. *Ретина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / под редакцией И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. – С. 122-169.
20. *Рикер П.* Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
21. *Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа.* В 2-х т. Т.1. – Нальчик: Эль-Фа, 2001.
22. *Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVIII веков.* Сборник материалов. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 396 с.
23. *Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей.* – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 368 с.
24. *Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау / подгот. Б.М. Керемов и Р.У. Туганов.* – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 507 с.
25. *Сюхов С.* Адыгея. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк // Избранное. – Нальчик: Эль-Фа, 1997. – С. 304-345.
26. *Сюхов С.* Избранное. – Нальчик: Эль-Фа, 1997. – 374 с.
27. *Французская литературная сказка XVII-XVIII веков.* – М.: Художественная литература, 1991. – 384 с.
28. *Хаттон П.* История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – СПб.: «Владимир Даль», 2003. – 424 с.
29. *Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк / сост. М.Н. Чичагова.* – СПб.: Тип. и Лит. С. Муллер и И. Богельман, 1889. – 202 с.
30. *Эсадзе С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и на Черноморском побережье. – Майкоп: Изд. «МЕОТЫ», 1993. – 120 с.

УДК 93/94 (470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-56-68

АДЫГИ (ЧЕРКЕСЫ): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Э.А. ШЕУДЖЕН

*Адыгейский государственный университет.
352700, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Жуковского 15
E-mail: bases11@yandex.ru*

Аннотация. На основе сложившихся научных подходов осмысливается структура исторической памяти адыгов, отражающая как общие характеристические черты, так и специфические, обусловленные особенностями природно-географической среды, общественного развития, ментальности.

Автор связывает сложность структуры исторической памяти с характером происходивших в прошлом событий, выделяя проблему значимого, важного, существенного в истории для каждого отдельного сообщества. В то же время в памяти каждого народа выделяются и

вневременные события. Отмечается значение устной традиции при репрезентации прошлого бесписьменных адыгских сообществ. Как важная составляющая структуры исторической памяти адыгов, выделяется многослойный пласт информации, сохранившийся в записях людей «извне». Подчеркивается, что в процессе научной репрезентации адыгской истории появляется возможность выяснить, каким образом и почему, конкретные события прошлого фиксировались, закреплялись, модифицировались, фальсифицировались и предавались «забвению», непосредственно влияя на историческую память и уровень исторического сознания. С другой стороны, фиксируется актуальная для современности, переоценка традиционных форм передачи и сохранения памяти, влияние власти на конструирование исторического знания, формирование «культивируемой памяти». Сохранение исторической памяти рассматривается, таким образом, в качестве одной из важнейших и сложнейших интеллектуальных проблем, стоящих перед профессиональным научно-историческим сообществом.

Ключевые слова: адыги; историческая память; места памяти; время; историческое сознание.

ADYGHESES (CIRCASSIANS): THE PROBLEMS OF HISTORICAL MEMORY

E.A. SHEUDZHEN

*Adygheya State University, Historical Faculty.
352700, Republic of Adygheya, Maikop, Zhukovsky st., 15
E-mail: bases11@yandex.ru*

Abstract. On the basis of the existing scientific approaches, the structure of the historical memory of the Adyghe is comprehended, reflecting both the general characteristic features and specific features that are determined by the peculiarities of the natural-geographical environment, social development and mentality.

The author connects the complexity of the structure of historical memory with the nature of past events, highlighting the problem of significant, important, substantial in a history for each individual community. At the same time in the memory of each people exist timeless events. The significance of the oral tradition is noted at the representation of the past of the pre-literate Adyghe communities. The multilayered volume of information is distinguished, preserved in the records of people «from the outside» as an important component of the structure of the historical memory of the Adyghe. It is emphasized that in the process of scientific representation of Adyghe history, it is possible to find out how and why specific events of the past were reflected, fixed, modified, falsified and abandoned to «oblivion», directly affecting historical memory and the level of historical consciousness. On the other hand, the reevaluation of traditional forms of transmission and preservation of memory, the influence of authorities on the formation of historical knowledge, the formation of «cultivated memory», actual for the present are fixed. The preservation of historical memory is thus seen as one of the most important and most complex intellectual problems facing the professional scientific and historical community.

Key words: Adyghe; historical memory; places of memory; time; historical consciousness.